

УДК 94 (574)
МРНТИ 03.20.20

ДЕПОРТИРОВАННЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В ЛИЦЕ КАЗАХСТАНА ОБРЕЛИ СВОЮ ВТОРУЮ РОДИНУ

Сейдахан Бақторазов

Профессор ТарПУ им.М.Х.Дулати, руководитель научно-исследовательского центра «Дулативедение и История региона», член НЭГ АНК Жамбылской области
Тараз, Казахстан
e-mail: s_bakhtorazov@mail.ru

Аннотация. Автор в своём труде, опираясь на источниковую базу, описывает процесс приёма и адаптации депортированных граждан разных этносов в Жамбылской области. В статье подчёркивается, что, несмотря на порой противоречивое отношение местных жителей к спецпереселенцам, добродушие и гостеприимство казахов преобладали над идеологическими постулатами режима. Это происходило в период, когда местные колхозники зачастую не получали достаточно продовольствия за свои трудодни, а их дети страдали от голода. В заключении отмечается, что, несмотря на тяжёлые испытания, представители депортированных народов, благодаря значительной толерантности казахского народа, смогли получить образование, повысить свой социальный статус, улучшить материальное положение и найти в Казахстане новую родину.

Ключевые слова: Казахстан, Жамбылская область, депортированные переселенцы, корейские переселенцы, политические репрессии, эвакуогоспитали, польские переселенцы

В 1930-1950-е годы Казахстан стал местом массовой депортации и был превращён в гигантское поселение для «ссылных», «высланных», «спецпереселенцев» и «репатриированных», представляющих различные репрессированные группы населения СССР по социальным, политическим, конфессиональным и этническим мотивам.

Депортация, предполагавшая изгнание или ссылку определённой группы людей или целого народа, последовательно реализовывалась в СССР. Изначально рассматривавшаяся как средство ослабления этнической напряжённости, она постепенно превратилась в мощный инструмент урегулирования межэтнических конфликтов. Однако депортированные народы навсегда утратили значительную часть своих культурных ценностей. В предвоенные годы фактически сложилась так называемая «лагерная экономика», основанная на труде ссылных заключённых, отбывавших наказание в исправительно-трудовых лагерях. Труд заключённых широко использовался и на строительных объектах в Казахстане. В 1930-1931 годах территория Казахстана была определена как «кулацкая ссылка» для десятков тысяч крестьян из различных районов страны. Согласно данным отдела по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ, в республику было выселено 46 091 семья, или 180 015 человек (в 1931 году — 150 000 спецпереселенцев). Среди выселённых были крестьяне с Нижней и Средней Волги, из Центрально-Черноземной области, Нижегородского края, Московской области, Средней Азии и Закавказья.

Массовый приток представителей многих народов резко изменил этническую структуру Казахстана. Стоит отметить, что одним из ужасных последствий преступной сталинской политики — насильственного перевода кочевников и полукочевников к оседлости в рамках коллективизации — стал голод. По подсчётам историков-демографов, погибло около 1,7 млн. казахского населения. Свыше 1 млн. человек откочевало за пределы Казахстана, в том числе и за рубеж страны (Китай, Афганистан, Иран и т.д.). Из них 616 тыс. мигрировало безвозвратно [2-120].

Факт переселения в Казахстан относительно многочисленной этнической группы корейцев имел определенное значение для региона Южного Казахстана. В постановлении СНК и ЦК ВКП/б/ от 27 августа 1937 года отмечалось:

«1. Предложить Дальне-Восточному крайкому ВКП/б/, крайисполкому и УНКВД Дальне-Восточного края выселить все корейское население пограничных районов Дальне-Восточного края...

2. К выселению приступить немедленно и закончить к 1 января 1938 года.

3. Подлежащим переселению корейцам разрешить при переселении брать с собой имущество, хозяйственный инвентарь и живность.

4. Возместить переселяемым стоимость оставляемого ими движимого и недвижимого имущества и посевов.

5. Не чинить препятствие переселяемым корейцам к выезду при желании за границу, допуская упрощенный порядок перехода границы...

7. Обязать СНК Казахской и Узбекской ССР немедленно определить районы и пункты вселения и наметить мероприятия, обеспечивающие освоение на новых местах переселяемых, оказав им нужное содействие...

11. Увеличить количество пограничных войск на 3000 человек для уплотнения границы в районах, из которых переселяются корейцы» [3-97]. Информационная сторона данного документа, без рассмотрения его правовой обоснованности, определяет депортацию целой этнической группы как некую государственную необходимость, без предъявления каких-либо претензий или обвинений. В отличие от других этнических групп, переселенных в Казахстан в 1944 – 1945 годы, переселение корейцев проходило в некоторых правовых рамках – компенсация понесенного ущерба, попытка организовать относительно благоприятные условия на местах пребывания. Причиной же переселения вероятнее всего была упоминавшаяся выше система японского тотального шпионажа и антропологическое сходство жителей Юго-Восточной Азии, затрудняющее рядовому человеку отличить конкретную этническую принадлежность, разумеется речь идет о лицах из европейского ареала. Значительная роль разведки в русско-японской войне, а также победная поступь японской армии по Южной Азии вплоть до Австралии, начиная с 1932 года, создавали реальную угрозу Дальне-Восточному региону СССР. Первым сигналом тревоги стала оккупация японскими войсками Маньчжурии, начавшаяся в сентябре 1931 года, что для СССР означала непосредственный выход на советскую границу японской армии, несмотря на создание марионеточного государства Маньчжоу-Го, во главе с последним китайским императором династии Цин – Пу-И. Следующий конфликт происходит 29 июля – 11 августа 1938 года, т.е. через год после принятия цитированного выше постановления. Быстрый и эффективный разгром японских войск у озера Хасан, в Посъетском районе Приморского края, откуда в цитированном постановлении и предлагалось начать переселение в первую очередь, показал, в частности, неведение японского командования о наличии в названном районе сильной воинской группировки. Очевидно, что обоснованная государственная необходимость несколько не облегчала положение вынужденных переселенцев, покинувших обжитые, родные края.

Более позднее постановление СНК СССР от 5 сентября 1937 года регулировало порядок расчетов с переселяемым корейским населением. Учитывалась, если не вся, то значительная часть колхозного и личного недвижимого имущества, в частности отмечалось, что «Весь скот переселяемых принимает Заготскот и возмещает его натурой на местах переселения» [4-379].

В постановлении от 21.08.1937 года прямо указывалось, что переселение должно происходить в «...Южно-Казахстанскую область, в районы Аральского моря и Балхаша».

Партийные и советские органы республики и региона взяли под свой контроль весь ход работ по обеспечению переселенцев, в первую очередь – жильем. Об этом было сказано в постановлении Кзыл-Ординского обкома партии и оргкомитета Президиума Верховного Совета КССР по Кзыл-Ординской области от 1-го сентября 1938 года «О ходе строительства переселенческих колхозов и жилдомов для переселенцев и в доприселяемых колхозах области». В преамбуле постановления

отмечался неудовлетворительный ход работ по строительству переселенческих поселков и в доприселенных колхозах.

По конкретно названным районам области отмечались факты отставания хода строительства, необеспеченность стройматериалами, недостаточная обеспеченность рабочей силой. Ведущиеся строительные работы также недостаточно обеспечивались техникой и горюче-смазочными материалами. Секретарям райкомов и председателям райисполкомов было предложено принять все меры для устранения недостатков, обеспечить завершение строительства жилого фонда для переселенцев к 1-му октябрю текущего года [5]. В трудные тридцатые годы социально-экономическая ситуация в республике и в регионе была и без того нелегкой, но принимались решительные меры для обеспечения переселяемых всем необходимым. Другим важным моментом для переселенцев была необходимость адаптации в новых неизвестных им прежде природно-климатических и хозяйственно-экономических условиях, при этом соответствующая помощь была оказана руководством региона, при активной поддержке населения. Были и другие случаи, например, по делу Тулебаева Е., 1902 года рождения, члена партии с 1930 года по день исключения 2 июня 1938 года, указывается, что он «...исключен из рядов партии за попытку организации группировки казахов против корейцев за попытку вредительства в колхозной молочно-товарной ферме». В документе отмечается: «Установлено: Попытки организации группировок Тулебаевым против корейцев не установлено». Далее сообщается, что: «Постановили: отменить решение Сырдарьинского райкома», «...восстановить его в партии, объявить выговор с занесением в учетную карточку за плохую работу в МТФ». Сами же трения с корейскими переселенцами видимо имели место, что подчеркивается в дополнении к постановлению «Особо: [Ауелбаеву, вероятно председатель колхоза - прим. авт.] Поставить на вид за неправильное разъяснение казахским колхозникам, о том, что если они не учатся, то корейцы все время используют их на тяжелой работе, и кроме них им никто не объясняет о необходимости учебы» [6]. Приведенные факты разнохарактерного содержания, где политические мотивы переплетаются с повседневными делами, в целом подчеркивают непростой характер исследуемого периода, напоминают необходимость всестороннего, объективного, взвешенного подхода к их рассмотрению. Тем не менее в крайне сжатые сроки переселенцы-корейцы смогли включиться в социально-экономическую жизнь региона.

Переселившиеся корейцы, как и другие этнические группы в Южном Казахстане, также оказались втянуты в жестокие отношения политических репрессий. Несмотря на кратковременность их пребывания – менее года с момента прибытия – они сталкивались с жестокими, необоснованными приговорами, которые неустанно разоблачались. Характерной особенностью их реального положения было то обстоятельство, что все дежурные обвинения в отношении их, как людей, совсем недавно прибывших в регион, не могли быть применены, за исключением одного – обвинения в шпионаже в пользу Японии. В списке репрессированных по Кызыл-Ординской области, первоначально исключенных из партии выборочно взятые корейские фамилии дают следующую картину. Так, Цой-Бон-Гак, 1907 года рождения исключен из партии «как выходец из кулацкой семьи, имеющий сомнительное прошлое» [7]. Далее подряд встречаются три фамилии: Бон-Ен-Ден, 1892 года рождения; Ша Пей-Юн, 1893 года рождения; Ли Су-Хек, 1895 года рождения, исключенные из партии с предельно краткой формулировкой: «Исключен как шпион» [8]. Хван-Син-Мон: «Исключен из рядов партии за шпионаж» [9].

Как видно, страна, в пользу которой могли работать «шпионы», не указывается. Относительно исключенных по Терень-Узекскому району, формулировки более развернутые: «265, Теге-Бон, член партии. Исключен из рядов партии как враг народа, член фашистской национальности, шпион Японии. Тен Александр - исключен из рядов партии как враг народа, троцкист, член фашистской национальности, шпионажный агент Японии. Протокол № 21 заседания бюро райкома партии от 2 июня 1938

года» [10]. Приведенные формулировки, несмотря на, вероятно, казавшуюся их авторам эффектность, не могут считаться отражающими действительную виновность указанных лиц. К началу войны Советского Союза против фашистской Германии в Казахстане насчитывалось 80 тысяч немцев (в следующие годы их число возросло до 407 931 чел.), больше 130 тысяч поляков, 60 тысяч корейцев, больше 180 тысяч кулаков-трудпереселенцев, 15 тысяч ссыльно-поселенцев, 33 тысячи ссыльных и высланных [11]. Во время войны было размещено 532,5 тыс. человек, эвакуированных, и подвергшихся депортации 507 тыс. жителей Северного Кавказа, Крыма и Поволжья. Всего на территории Казахской ССР были размещены 890 698 человек [12-527].

В первые месяцы после начала войны в Джамбулскую область прибыло 2019 человек (по состоянию на 01.09.1941 г.) по следующему этническому составу:

Русские: 404,

Украинцы: 406,

Белорусы: 51,

Евреи: 1129,

Поляки: 22,

Латыш: 1,

Других этносов: 6.

Кроме того, на территории города Джамбула в годы войны находились 5 эвакуационных госпиталей: № 1593, 1598, 3221, 3896, 3981. Трудящиеся области, оказывая всестороннюю помощь фронту, считали заботу о раненых бойцах и командирах своим кровным делом. Южное солнце, фрукты, усилия врачей, медицинских сестер и женщин-общественниц возвращали в строй воинов. Для раненых фронтовиков никто ничего не жалел. В декабре 1941 года активистами железнодорожной станции Джамбул для госпиталей было собрано более 2 тыс. штук посуды, 8 диванов, 500 стульев, 410 одеял, 23 музыкальных инструмента, 21 шкаф, 90 пар обуви, 570 книг, 800 подушек и 1000 наволочек. Через города и села Казахстана прошло 155 таких эвакуационных госпиталей. Всего в госпиталях лечилось 184 309 раненых и больных защитников Отечества, от 60 до 70% было возвращено в строй после лечения. Добиться таких результатов было непросто. Практика насильственного изъятия хлеба затронула практически все категории населения. Так, «у жены фронтовика Исламкуловой, имеющей трех детей, отобрали котел и 13 кг мяса, засчитав это за 27 кг хлеба». В колхозе «Кайнар» 77-летний колхозник Шамаев, отец трех фронтовиков, продал самовар, медный таз и кашму, чтобы выполнить задание по хлебозакупке. Жена награжденного фронтовика Досметова, мать четверых детей, продала шелковый платок и серьги, чтобы сдать 64 кг хлеба [13-25]. В декабре 1941 года в Джамбулскую область прибыло значительное количество поляков, преобладающая часть которых поселилась в колхозах. Советское государство, разумно определив юридическое положение упомянутых поляков, недопускало их дискриминации по сравнению с советскими гражданами. В соответствии с этой установкой, правления колхозов обеспечивали снабжение продуктами не только работающих, но и их иждивенцев, а также регулярно выдавали авансы в счет будущих заработков. Всё это дало полякам возможность на скромное существование в таком далеком от их родины Казахстане и в то время, когда весь мир содрогался от ужасов немецкого зверства и садизма, обрушившихся на головы мирного населения оккупированных стран. В колхозах Джамбулской области, как и в других областях Советского Союза, поляки оказались достойными доверия и гостеприимства казахов и дали образцы добросовестной, а часто и самоотверженной работы, в цифровом выражении колеблющейся в пределах 400–500 и достигающей 700 трудодней в год.

В целом, положение спецпоселенцев, особенно в первые годы, было крайне тяжелым. Им зачастую приходилось жить в непригодных помещениях, скудно питаться, страдать от болезней и прочего, что приводило к высокой смертности. Согласно справке отдела спецпоселений МВД СССР на 10 апреля 1945 года,

наибольший процент смертности был среди спецпоселенцев, переселенных в 1944 году. Так, из их числа умерло: чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев – 23,7%, крымских татар, болгар, греков, армян – 19,6%, калмыков – 17,4%, турок, курдов, хемшинов – 14,6%. Эти данные были отмечены в отчете министра внутренних дел республики, А.А. Пчелкина, в июле 1946 года. Важно отметить, что из 9621 выселенного из Крыма армянина в Казахстан попали только 575 человек, и только один армянин был переселен в Джамбулскую область, что позволяет предполагать низкую смертность среди депортированных в этом регионе.

Ознакомившись с отчетом т. Розановой о работе польского детского сада №4 в городе Джамбул, можно заключить, что условия для дошколят из «Компольдета» были значительно лучше, чем для их местных сверстников. В отчете указано: «К зиме вывезли 5 кубов торфа, из гороно получили саксаул. Овощей мы не заготавливали, но по потребности получаем из «Плодовоощь». Дети посещающие наш детский сад, являются представителями исключительно польской и еврейской национальностей. Дети питаются 3 раза в день и получают достаточно продуктов как в качестве, так и в количестве. Дети посещают детские кинокартины, цирк, выставки. Большое внимание уделяется воспитанию в детях любви к своей Родине и Советскому Союзу. Для укрепления дружбы между польскими и русскими детьми участвуем в русских утренниках, наши дети принимают активное участие в программе и наоборот. Детский сад финансируется непосредственно горфо. Смета на 1945 год составлена и утверждена гороно в сумме 74650 рублей» [14-228]. Немного раньше в Джамбуле открылась средняя школа для польских детей. В ней обучались 500 учеников. Все дисциплины, в том числе история, география, литература преподавались на родном языке. Вводилось также изучение русского языка.

Такое благосклонное отношение к переселенцам происходило в то время, когда местные колхозники не всегда получали продукты за свои трудодни и их дети попросту голодали. В заключение можно констатировать, что представители репрессированных народов, хотя и прошли сквозь тернии непростого жизненного опыта, смогли получить достойное образование, благодаря большой толерантности казахского народа. Это помогло им повысить социальный статус, улучшить материальное благополучие и обрести в лице Казахстана свою вторую родину.

Список источников и литературы

1. Насильственная коллективизация и голод в Казахстане 1931-1933гг. Сборник документов и материалов. / Вступ.статья и сост. К.С.Алдажуманов, М.К.Каирғалиев, В.П.Осипов, Ю.И.Романов. – Алматы: Фонд «XXI век», 1998. – 263 с.
2. «Нәубет» Публицистикалық ой-толғаулар. – Алматы: «Жалын», 1990.
3. История Казахстана. Документы и материалы (1917-2012) – ТОО «Шанырақ Медиа» - Астана, 2017. -320 стр.
4. Хрестоматия по новейшей истории Казахстана (1917-1939 гг.) Т.1. (Под ред. К.С.Каражанова) – Алматы: «Санат», 2002 – 408 стр.
5. ААКО (Архив акима Кызылординской области) Фонд – 268, опись 1, дело 29, Л. 3-8
6. ААКО Фонд – 268, опись 2, дело 227, Л. 17
7. ААКО Фонд – 268, опись 1, дело 81, Л. 5
8. ААКО Фонд – 268, опись 1, дело 81, Л. 9
9. ААКО Фонд – 268, опись 1, дело 81, Л. 10
10. ААКО Фонд – 268, опись 1, дело 81, Л. 11
11. АПРК. (Архив Президента Республики Казахстан) Фонд – 708, опись 71, дело 145, Л. 30
12. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Том 4.- Алматы: «Атамұра», 2009. 768 с.
13. Из истории депортаций. Казахстан. 1939-1945гг. Сборник документов.
14. Т.З. – Алматы: LEM, 2019, -708с.
15. Из истории поляков в Казахстане (1936-1956 гг.) Сборник документов: Архив Президента Республики Казахстан / Отв.редактор Л.Д.Дегитаева. – Алматы: ТОО «Издательский дом «Қазақстан», 2000. – 344 с.